

атаман, не смысла ничего“. И потом вина им даде по ковшу, и они и пуще начаша хвалити атамана и поехали на добычу. Он же, атаман Василей, размышляше о том омшенике заповедном и хотяше уведомити, что в нем есть, и бояшся, что они ево ходу не познали. Однако ж отложи тот страх, прииде ко омшенику и отпер, двери отвори, и в том омшенике очень светло, понеже от верху окошки приведены. И как дверь отворив, и виде сядящу девицу вельми прекрасну и плачущуюся. И такой прекрасной красоты не видаше и от той красоты не мог, почитай, и стоять, и вопроси он ее: „Государыня прекрасная девица, скажи мне, не утай, какова ты || роду и как здесь обретаешься, и сколь давно, и которого граду или царства?“. Она же паде ему в ноги и не вставая рыдаше горко. Он же, атаман, рече: „Дорогая моя и прекрасная девица, престани от своих слез и востани и скажи мне всю свою истинну. Аз и сам здесь обретаюсь под неволею. Пожалуй, без всякого сомнения мне поведай“. Она же, прекрасная девица, воста от падения своего и ста пред ним тихо и кротко, руки имеяше согбенны, въздыхая от утробы сердца своего, яко и ему, атаману, зрящу на ню, прослезитися. Она же рече к нему тако: „Преизрядный и доброй молодец и милостивы мой государь, изволите меня спрашивать, аз вам, государю моему, без всякого моего утаения всю истину и подробно приключышаяся мне напасти вам, государю моему, открываю. Изволь, государь мой, странныя меня девицы послушать“. И нача поведати: „Аз девица королевства Флоренского, короля дщерь единоутробная. У отца своего была в великой чести и в неге, яко меня нежил, что и пороху не даде на мя пасти, и любил меня паче меры. Також и л. 10 об. матери || моя не могла на мя насмотретца, и много всегда увеселялась. Только я у них едино детище. А приключишаяся сия напасть на мя такая, вам поведаю, государю моему. Приидоша морем под наше владение корабли с разными драгими товары и славно куплю деяху, яко таким товаром все наши флоренские министры удивилешся. А я имела охоту в гулянии на барках ездить у пристанища морского, и как я гуляла и приплывши к тем купецким караблям и ходила с пажами по караблем и смотрела товары. И в те поры нападоша оныя разбойники и корабли разбиша и купецких людей множество побиша, тако же и пажей, которыя были со мною, в море побрасаша. Меня едину в полон взяша и приведоша в сей остров, и содержуся у них уже тому второй год. И между ими, разбойники, великие прения о мне состоит, понеже за мою красоту всякой хочет поняти за себя в жену, и от того прения хотят меня умертвить, чтоб я никому не досталась, и уже б я, л. 10 об. государь мой, доброй молодец, рада || своему концу, чтоб они мне едино решение учинили, нежели живот мой так мучила. Я уже и сама жизни своей отчаяла“. И по окончании ее речей, все подробно выслуша, и рече ей матрос Василей: „Премного изрядная и дражайшая государыня моя, прекрасная кролевна, не бойся, моя государыня, и не сомневайся. Я вам донесу: ежели бог подаст нам здравия, я тебе не оставлю, и в той надежде изволь пребывать, что отселева как нам избавитца, о том буду способы искать“.

И о том девица вельми порадовалась. И рече девица: „О, возлюбленный мой доброй молодец, радость души моя“. И с той радости целова ево во уста. И пиши он ей подаде довольно и заповеда ей ничево им не говорити, також, что он будто не бывал у ней. И по беседе поцеловал ее, и в надежде оставя, запер попржнему омшеник той, а сам пошел к морю. И бывши на берегу моря, и такое счастье получил: от цесарскаго острова два судна, а на них рыболовы рыбу